

Платон

Филеб

Филеб утверждает, что благо для всех живых существ – радость, удовольствие, наслаждение и все прочее, принадлежащее к этому роду; мы же оспариваем его, считая, что благо не это, но разумение, мышление, память и то, что сродни с ними: правильное мнение и истинное суждение. Все это лучше и предпочтительнее удовольствия для всех существ, способных приобщиться к этим вещам, и для таких существ... ничто не может быть полезнее этого приобщения. Никто не станет спорить, что приятное приятно; однако, несмотря на то, что многое из приятного, как мы сказали, дурно, а многое, наоборот, хорошо, ты называешь все удовольствия благом... Итак, что же есть тождественного в дурных и хороших удовольствиях, позволяющего тебе все удовольствия называть благом? Друг мой, я имею ввиду не тот случай, когда кто-либо полагает единство возникающего и гибнущего, как мы только что говорили. Ведь такого рода единство, как мы сказали, не нуждается, по общему признанию в опровержении; но если кто-нибудь пытается допустить единого человека, единого быка, единое прекрасное и единое благо, то по поводу разделения таких и им подобных единств возникают большие споры и сомнения. Во-первых, нужно ли вообще допускать, что подобные единства действительно существуют? Затем, каким образом они – в то время как каждое из них пребывает вечно тождественным, прочным, непричастным ни возникновению, ни гибели – все-таки пребывают в единстве? Ведь это единство следует признать либо рассеянным в возникающих и бесконечно разнообразных вещах и превратившимся во множество, либо всецело отделенным от самого себя, каким образом (ведь это невероятно!) единства эти остаются едиными и тождественными одновременно в одном и многом? Вот какого рода единства и множества... суть причины всяких недоумений... Итак, с чего же начать длинный и сложный бой по поводу спорных вопросов? Может быть с этого... Мы утверждаем, что тождество единства и множества, обусловленное речью, есть всюду, во всяком высказывании; было оно прежде, есть и теперь. Это не прекратится никогда и не теперь началось, но есть, как мне кажется, вечное и не стареющее свойство нашей речи. Юноша, впервые вкушивший его, наслаждается им, как если бы нашел некое сокровище мудрости; от наслаждения он приходит в восторг и радуется тому, что может изменять речь на все лады, то закручивая ее в одну сторону и сливая все воедино, то снова развертывая и расчленяя на части. Божественный дар, как кажется мне, был брошен людям богами с помощью некоего Прометея вместе с ярчайшим огнем; древние, бывшие лучше нас и обитавшие ближе к богам, передали нам сказание, гласившее, что все, о чем говорится, как о вечно сущем, состоит из единства и множества и заключает в себе сросшиеся воедино предел и беспредельность. Если все это так устроено, то мы всякий раз должны вести исследование, полагая одну идею для всего, и эту идею мы там найдем. Когда же мы ее схватим, нужно смотреть, нет ли кроме одной еще двух, а может быть трех идей или какого-то иного их числа, и затем с каждым из этих единств поступать таким же образом до тех пор, пока первоначальное единство не предстанет взору не просто как единое, многое и беспредельное, но как количественно определенное. Идею же беспредельного можно прилагать ко множеству лишь после того, как будет охвачено взором все его число, заключенное между беспредельным и одним; только тогда каждому единству из всего [ряда] можно дозволить войти в беспредельное и раствориться в нем. Вот таким образом боги, сказал я, завещали нам исследовать все вещи, изучать их и поучать друг друга; но теперешние мудрецы устанавливают единство как придется – то раньше, то позже, чем следует, и сразу же после единства помещают беспредельное; промежуточное же от них ускользает. Вот такое существует у нас различие между диалектическим и эристическим способами рассуждений. Мои слова, Протарх, ясны на примере букв; потому и ты уразумеи их на буквах, которым обучался в детстве. Звук, исходящий из наших уст, один, и в то же время он беспределен по числу у всех и у каждого. Однако ни то ни другое еще не делает нас мудрыми: ни то, что мы знаем беспредельность звука, ни то, что мы знаем его единство; лишь знание количества звуков и их качества делает каждого из нас грамотным. Но то же самое делает человека сведущим в музыке. Но, друг мой, после того, как ты узнаешь, сколько бывает интервалов между высокими и низкими тонами, каковы эти интервалы и где их границы, сколько они образуют систем, – после того, как ты узнаешь все это, ты станешь мудрым, а когда постигнешь всякое другое единство, рассматривая его таким же образом, то сделаешься сведущим и относительно его. Напротив, беспредельное множество отдельных вещей и [свойств], содержащихся в них,

неизбежно делает также беспредельной и бессмысленной твою мысль, лишает ее числа, вследствие чего ты никогда ни в чем не обращаешь внимания ни на какое число. Мы сказали, что воспринявший что-либо единое тотчас же после этого должен обращать свой взор не на природу беспредельного, но на какое-либо число; так точно и наоборот: кто бывает вынужден прежде обращаться к беспредельному, тот немедленно вслед за этим должен смотреть не на единое, но опять-таки на какие-либо числа, каждое из которых заключает в себе некое множество, дабы в заключение от всего этого прийти к одному. Стало быть, предшествующее рассуждение требует, чтобы мы рассмотрели, каким образом разумение и удовольствие суть единое и многое и каким образом они не сразу оказываются беспредельными, но, прежде чем стать таковыми, каждое из них усваивает себе некое число. Рассмотрим же и обсудим жизнь в удовольствии и разумную жизнь - каждую порознь. Пусть жизнь в удовольствии не будет содержать разумения, а разумная жизнь удовольствия. В самом деле, если удовольствие или разумение - это благо, то они не должны нуждаться решительно ни в чем; если же окажется, что они в чем-либо нуждаются, то они уже не будут для нас подлинным благом. Однако, не приобретя ни разума, ни памяти, ни знания, ни правильного мнения, ты, будучи лишен всякого разумения, конечно, не знал бы прежде всего, радуешься ты или не радуешься. Не приобретя, таким образом, памяти, ты, конечно, не помнил бы и того, что некогда испытывал радость; у тебя не оставалось бы никакого воспоминания об удовольствии, выпадающем на твою долю в данный момент. Опять-таки, не приобретя правильного мнения, ты, радуясь, не считал бы, что радуешься, а будучи лишен рассудка, не мог бы рассудить, что будешь радоваться и в последующее время. И жил бы ты жизнью не человека, но какого-то моллюска... Предположи, что кто-либо из нас избрал бы жизнь, в которой обладал бы и умом, и знанием, и полнотой памяти обо всем, но ни в какой степени не был бы причастен ни удовольствию, ни печали и оставался бы совершенно равнодушным ко всему этому. Неужели еще не ясно, что по крайней мере из этих двух жизней ни одна не владеет благом? Выше мы сказали, что бог указывает на беспредельность существующего, то на предел. Итак, допустим эти два рода, третий же составится из смешения их воедино. Обрати внимание на причину смешения трех родов и считай ее четвертым родом. Наша речь всегда обнаруживает, следовательно, что более теплое и более холодное не имеют конца; а если они лишены конца, то, несомненно, они беспредельны. В самом деле, ни более теплое, ни более холодное, принявши определенное количество, не были бы больше таковыми, так как они непрестанно движутся вперед и не остаются на месте, определенное же количество пребывает в покое и не движется дальше. На этом основании и более теплое и его противоположность должны быть беспредельными. Разве не из этого, не из смешения беспредельного и заключающего в себе предел, состоят времена года и все, что у нас есть прекрасного? Но говоря о третьем, я - смотри - имел в виду все то, что первые два рода порождают как единое, именно возникновение к бытию как следствие ограниченных пределом мер. Не кажется ли тебе необходимым, что все возникающее возникает благодаря некоторой причине? То же, что созидает все эти вещи, мы назовем четвертым, причиной, так как стало ясно, что это четвертое в достаточной мере отлично от тех трех. Первый я называю беспредельным, второй - пределом, третий - сущностью, смешанной и возникающей из этих двух. Если я назову четвертым родом причину смешения и возникновения, я не ошибусь. Имеют ли предел удовольствия и страдания, или же они относятся к вещам, принимающим "больше" и "меньше"? ...Не природа беспредельного, а нечто иное сообщает удовольствиям некоторую меру блага. Скажем ли мы, Протарх, что совокупность вещей и это так называемое целое управляются неразумной и случайной силой как придется или же, напротив, что целым правит, как говорили наши предшественники, ум и некое изумительное, всюду вносящее лад разумение? ...Разделим также угрожающую им опасность подвергнуться порицанию со стороны какого-либо искусника, который стал бы утверждать, что все эти вещи находятся не в таком состоянии, но в беспорядке? Что касается природы тел всех живых существ, то в составе их имеются огонь, вода, воздух и... "земля!", как говорят застигнутые бурей мореплаватели. Видя, что все названное сводится к одному, мы называли все это телом. То же самое допусти и относительно того, что мы называем космосом; состоя из тех же самых [родов], он так же точно, надо думать, есть тело. Итак, пойдем дальше: не от этого ли тела всецело питается наше тело, или же, напротив, от нашего тела питается мировое...? Не скажем ли мы, что в нашем теле есть душа? Откуда же, дорогой Протарх, оно взяло бы ее, если бы тело Вселенной не было бы одушевлено, заключая в себе то же самое, что содержится в нашем теле, но, сверх того, во всех отношениях более прекрасное? ...Скажем, что во Вселенной... есть и огромное беспредельное, и достаточный предел, а наряду с ними - некая немаловажная причина, устанавливающая и устрояющая в порядке

годы, времена года и месяцы. Эту причину было бы всего правильнее назвать мудростью и умом. И не считай, Протарх, что мы высказали это положение необдуманно: оно принадлежит тем мудрецам, которые некогда заявляли, что ум – их союзник вечно властвует над Вселенной. Оно же дает ответ на мой вопрос: ум относится к тому роду, который был назван причиной всех вещей. Припомним же относительно обоих, что ум оказался родственным причине и даже почти одного с нею рода, удовольствие же и само по себе беспредельно и относится к тому роду, который не имеет и никогда не будет иметь в себе и сам по себе ни начала, ни середины, ни конца. Слушай: как только в нас, живых существах, расстраивается гармония, так вместе с тем разлаживается природа и появляются страдания. Когда же гармония вновь налаживается и возвращается к своей природе, то следует сказать, что возникает удовольствие... ..Когда возникший сообразно с природой из беспредельного и предела одушевленный вид, упомянутый нами раньше, портится, то эта порча причиняет страдания, полное же возвращение к своей сущности есть удовольствие. Допусти теперь, что в самой душе существует ожидание этих состояний, причем предвкушение приятного доставляет удовольствие и бодрит, а ожидание горестей вселяет страх и страдание. Протарх. Да, это, конечно, другая идея удовольствия и страдания, возникающая благодаря ожиданию самой души, помимо тела. Сократ. Ты правильно понял. Если при разрушении [одушевленных видов] возникает боль, а при их восстановлении – удовольствие, то поразмысли в таком случае, когда они и не разрушаются, и не восстанавливаются: какое состояние должно быть при этих условиях у каждого из живых существ. Так у нас есть, значит, некоторое третье состояние помимо радостного и скорбного? Ты знаешь: ничто не мешает избравшему разумную жизнь проводить ее таким образом. Протарх. Ты имеешь в виду жизнь без радости и без горя? Сократ. Раньше, при сравнении жизней, было сказано, что человеку, избравшему жизнь рассудительную и разумную, нисколько не следует радоваться. Протарх. Да, именно так было сказано. Сократ. Значит, так ему и следует жить; и, пожалуй, нисколько не странно, что такая жизнь – самая божественная из всех. Протарх. Да, богом не свойственно ни радоваться, ни страдать. Сократ. Когда душа сама по себе, без участия тела, наилучшим образом воспроизводит то, что она испытала когда-то совместно с телом, мы говорим, что она вспоминает. А все это было сказано ради... того, чтобы как можно лучше и яснее понять удовольствие души помимо тела, а также вожделения: вследствие сказанного, как мне кажется, отчетливее обнаруживается природа обоих этих состояний. Стало быть, это рассуждение, указав на память, приводящую к предметам вожделения, открывает, что всякое влечение и вожделение всех живых существ, а также руководство ими принадлежит душе. По-моему, и удовольствия мы считаем дурными по тем же причинам, по каким они бывают ложными. Протарх. Нет, Сократ, дело обстоит как раз наоборот. Ведь страдания и удовольствия считаются дурными отнюдь не из-за их ложности, но из-за того, что их сопровождает другая, большая и многообразная порочность. Сократ. И то, что стремится к состояниям, противоположным состояниям тела, – это душа, а то, что доставляет страдание или какое-либо удовольствие, связанное с претерпеванием страдания, – это тело. Отвечай же, где ты усматриваешь большие удовольствия – я говорю большие не числом, но силой и величиной – в разнузданности или же в разумной жизни. Будь внимателен при ответе. Протарх. я понял, что ты спрашиваешь, и усматриваю тут большое различие. Ведь к разумным людям приложимо вошедшее в поговорку изречение: "Ничего сверх меры"... Что же касается неразумных и разнузданных до неистовства, то чрезмерное удовольствие, завладевая ими, доводит их до исступления. Сократ. Прекрасно. Но если все это так, то ясно, что величайшие удовольствия и величайшие страдания коренятся в некоей порочности души и тела, а не в добродетели. Протарх. Совершенно верно. Сократ. Возьмем же еще две такие вещи. Пусть одна будет становлением всего, а другая – бытием. Какое же из них бывает для какого: становление для бытия или бытие для становления? Протарх. Ради богов, не спрашиваешь ли ты у меня нечто такое: "Скажи мне, Протарх, кораблестроение, по-твоему, возникает для кораблей или же корабли для кораблестроения?" – и прочее в том же роде? Сократ. Да, именно это. Я утверждаю, что лекарства и всякого рода орудия и вещества применяются ко всему ради становления, каждое же определенное становление становится ради определенного бытия, все же становление в целом становится ради всего бытия. Следовательно, удовольствие, если только оно – становление, необходимо должно становиться ради какого-либо бытия. Стало быть, то, ради чего всегда становится становящееся ради чего-то, относится к области блага; становящееся ради чего-то нужно отнести, любезнейший, к другой области. ...Удовольствие – это становление и никакого бытия у него нет... Но противоположностью становления все мы назвали бы разрушение, не так ли? Стремящийся [к удовольствию] избирает, следовательно, разрушение и

Платон Филеб filosoff.org

становление, а не ту третью жизнь, в которой нет ни радости, ни печали, а только разумение, сколь возможно чистейшее. Разве не нелепо думать, что блага и красоты нет ни в телах, ни во многом другом и что они заключены только в душе?

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!